

Научная статья

УДК 398.22(=512.37)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-18-27

СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЕ И ПОЭТИКО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙРАТСКОГО ЭПОСА «ЕГИЛЬ-МЕРГЕН»

Б. Б. Манджиева

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия

e-mail: mbbairta@yandex.ru

Аннотация. Данное исследование актуально, поскольку, несмотря на широкое изучение монгольского эпоса, вопросы сюжетосложения и поэтики ойратской эпической традиции остаются малоисследованными. Новизна работы заключается в анализе сюжета и поэтико-стилевых констант ойратского героического эпоса в сравнительном аспекте с версиями эпоса «Джангар» ойратов и калмыков. Цель статьи – исследовать сюжетосложение и поэтику ойратского эпоса «Егиль-Мерген», записанного Б. Я. Владимирцовым в Северо-Западной Монголии в 1913–1915 гг. от неизвестного дербетского сказителя, профессионального рапсода. Оригинальный текст эпоса был опубликован в 1926 г. Б. Я. Владимирцовым в сборнике «Образцы монгольской народной словесности». Для достижения цели решаются следующие задачи: изучить сюжетосложение «Егиль-Мергена», выявить поэтико-стилевые константы и сравнить их с синьцзян-ойратской и калмыцкой версиями «Джангара». В данной работе применены следующие фольклористические методы: описательный, сравнительно-сопоставительный и текстологический. Для проведения исследования используется оригинальный текст ойратского сказания «Егиль-Мерген» и его прозаический перевод на русский язык, осуществленный Б. Я. Владимирцовым, а также тексты национальных версий «Джангара».

Изучение ойратского эпоса «Егиль-Мерген» показало, что сказание имеет двухходовую организацию текста. В отличие от других ойратских эпосов в данном повествовании нет брачных состязаний, трудных заданий будущего тестя или прохождения испытания путем уничтожения врагов-мангасов. Традиционная тема героического сватовства усложняется за счет повторной разработки тематического ядра – богатырь Егиль-Мерген после женитьбы на суженой и возвращения в родные кочевья заново отправляется в поход, в пути встречает равного по силе богатыря Байханхан-Арсалана, вступив с ним в поединок, одерживает победу, однако, проявив благородство к побежденному, братается с ним и вместе они уничтожают врагов-мангасов. Результаты сравнительного анализа поэтики ойратского эпоса «Егиль-Мерген» и национальных версий «Джангара» свидетельствуют о том, что героический эпос унаследовал черты архаических сказаний. Это проявляется в наличии древних мотивов (первотворения, чудесного рождения, героическое сватовство и др.) и типических мест (описание чудесной силы героя, седлание и восхваление коня, одевание героя и др.). Эпическая традиция ойратов сохранила уникальные образцы этой ранней ступени развития эпоса, в которых можно проследить процесс трансформации архаического сказания в героический эпос.

Ключевые слова: ойратский эпос; «Джангар»; сюжетосложение; поэтика; герой; мотив; тема; героическое сватовство; традиция

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (№ 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Сюжетосложение и поэтико-стилевые особенности ойратского эпоса «Егиль-Мерген». *Эпосоведение*. 2025;3(39):18–27. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-18-27>.

Original article

Plot structure and poetic-stylistic features of the Oirat epic “Egil-Mergen”

Bayrta B. Mandzhieva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia

e-mail: mbbairta@yandex.ru

Abstract. Despite the extensive study of the Mongolian epic, this study is relevant because the issues of plot structure and poetics of the Oirat epic tradition remain poorly understood. The novelty of the work lies in the analysis of the plot and poetic-stylistic constants of the Oirat heroic epic in a comparative aspect with the versions of the epic “Dzhangar” of the Oirats and Kalmyks. The purpose of the article is to study the plot structure and poetics of the Oirat epic “Egil-Mergen”, recorded by B. Ya. Vladimirtsov in Northwestern Mongolia in 1913–1915 from an unknown Derbet storyteller, a professional rhapsodist. The original text of the epic was published in 1926 by Vladimirtsov in the collection “Examples of Mongolian Folk Literature”. To achieve the goal, the following tasks are solved: to study the plot structure of “Egil-Mergen”, to identify poetic and stylistic constants, and to compare them with the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of “Dzhangar”. The following folklore methods are used in this work: descriptive, comparative and textual. The original text of the Oirat legend “Egil-Mergen” and its prose translation into Russian by Vladimirtsov, as well as the texts of national versions of “Dzhangar” are used to conduct the study. The study of the Oirat epic “Egil-Mergen” showed that the legend has a two-step text organization. Unlike other Oirat epics, this narrative does not include marriage competitions, difficult tasks of the future father-in-law or passing the test by destroying the enemy mangas. The traditional theme of heroic matchmaking is complicated by the repeated development of the thematic core: the hero Egil-Mergen, after marrying his betrothed and returning to his native nomadic camps, sets out on a campaign again, meets the hero Bayhankhan-Arsalan, who is equal in strength, and, having entered into a duel with him, wins; however, having shown nobility to the defeated, he fraternizes with him and together they destroy the enemies-mangas. The results of a comparative analysis of the poetics of the Oirat epic “Egil-Mergen” and the traditional versions of “Dzhangar” indicate that the heroic epic inherited the features of archaic tales. This is manifested in the presence of ancient motifs (first creation, miraculous birth, heroic matchmaking, etc.) and typical places (description of the miraculous strength of the hero, saddling and praising the horse, dressing the hero, etc.). The epic tradition of the Oirats has preserved unique examples of this early stage of the development of the epic, in which one can trace the process of transformation of the archaic tale into the heroic epic.

Keywords: Oirat epic; “Dzhangar”; plot structure; poetics; hero; motif; theme; heroic matchmaking; tradition

Funding: The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project “Epic Landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from Archaic Epic to Book Text)” (No. 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

For citation: Mandzhieva, B. B. Plot composition and poetic and stylistic features of the Oirat epic “Egil-Mergen”. *Eposovedenie*. 2025;3(39):18–27 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-18-27>.

Введение

В отечественной фольклористике изучению ойратской эпической традиции посвящены научные труды известных исследователей: Б. Я. Владимирцова [1; 2], В. М. Жирмунского [3; 4], С. Ю. Неклюдова [5; 6], Г. И. Михайлова [7], А. Ш. Кичикова [8; 9], Н. Ц. Биткеева [10], Т. Г. Борджановой [11; 12], Е. Э. Хабуновой [13] и др.

Данное исследование актуально, поскольку, несмотря на широкое изучение монгольского эпоса, вопросы сюжетосложения и поэтики ойратской эпической традиции остаются малоисследованными. Новизна работы заключается в анализе сюжетно-композиционных особенностей и поэтико-стилевых констант ойратского героического эпоса в сравнительном аспекте с национальными версиями эпоса «Джангар». Цель статьи – исследовать сюжетосложение и поэтику ойратского эпоса «Егиль-Мерген», записанного Б. Я. Владимирцовым в Северо-

Западной Монголии в 1913–1915 гг. от неизвестного дербетского сказителя, профессионального рапсода. Оригинальный текст эпоса был опубликован в 1926 г. Б. Я. Владимирцовым в сборнике «Образцы монгольской народной словесности» [2]. Для достижения цели решаются следующие задачи: изучить сюжетосложение «Егиль-Мергена», выявить поэтико-стилевые константы и сравнить их с синьцзян-ойратской и калмыцкой версиями «Джангара». В данной работе применены следующие фольклористические методы: описательный, сравнительно-сопоставительный и текстологический. Для проведения исследования используется оригинальный текст ойратского сказания «Егиль-Мерген» [2] и его прозаический перевод на русский язык, осуществленный Б.Я. Владимирцовым [1], а также тексты национальных версий «Джангара» [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Описание эпической страны и чудесное рождение героя Егиль-Мергена

Ойратская эпопея начинается с представления эпической страны героя. Сказитель вводит слушателя в эпический мир, определяя пространственные рамки будущих событий: *Түмн зээһин экн / Түлкур нег цаһан белчр, / Терүнэс нутгелсн сэн эр бээна* [2, с. 159] ‘Начало десятилетия пространства / Ключ одного белого устья, / Лучший из мужчин там живет’¹.

Для ойратского эпоса время «сводится к глаголам с семантикой ‘возникновения’ и ‘становления’, не имеющей финализации в последующем повествовании» [6, с. 131]. В зачине эпопеи формула раннего времени детализируется: *Эн Дайбн хаани баһ бальчр бээхин цагт, / Эн орчлцгин олн ик алвт үүсч бээхин цагт, / Бум дала чальчаг бээхин цагт, / Буурл һулз хурһн бээхин цагт, / Марл һулз хурһн бээхин цагт, / Мана нойн балчр бээхин цагт, / Ожмин шар нарн герл тусч бээхин цагт, / Олн ик алвт үүсч бээхин цагт, / Сэн һалвин миңһн бурхна шаажн үүсч йовхин цагт, / Эн нартин замбутивин алвт / Экин түрүн үүсч бээхин цагт, / Эн Шакья-төвин шаажн-төр үүсч бээхин цагт* [2, с. 159–160] – ‘Во время, когда Дайбун-хан был малым ребенком, когда все великие народы этого мира начинали подрастать, во время, когда море Бум (Сто тысяч) было лужицей, а седой аргали был теленком, в то время, когда впервые пал луч желтого солнышка, когда стала расти вера тысячи будд этой калпы, когда жители этого подсолнечного мира только что начали расти-множиться, во время, когда стала распространяться вера Шакьямуни, в то время родился славный витязь, которому подчинились народы этого мира’ [1, с. 204].

По мнению С. Ю. Неклюдова, «каждой “завершенной” форме в эпическом зачине соответствует форма “эмбриональная”, указание на которую имеет либо объектный, либо процессуальный характер» [6, с. 148]. Следуя за С. Ю. Неклюдовым, мы также сгруппировали эти элементы по темам и получили следующую цепочку начальной и завершающей стадии:

- 1) вселенная – начало десятилетия пространства – калпа;
- 2) луч солнца – впервые пал – луч желтого солнышка;
- 3) воды – лужицей была – моря Шиле, Шикер, Сум, Бум;
- 4) гора – была малым перевалом – гора Сумеру;
- 5) аргали – был малым теленком – седым аргали;
- 6) марал – был малым теленком – благородным оленем;
- 7) Дайбун-хан – был малым ребенком – ханом;
- 8) нойон – был ребенком – нойоном;
- 9) жители – только начали расти-множиться – народом;
- 10) семьдесят ханов – были малыми детьми – ханами;
- 11) владения – только создавались – бескрайние владения.

Появление младенца с мечом во рту является предвестием его героического пути и могучей силы: «Выходя на свет из желтой утробы матери своей, держал он во рту алмазный черный меч; таким родился он, говорят. Родился он, говорят, зажав в руке кусок запекшейся черной крови величиной с печень» [1, с. 204–205]. Герой, рожденный чудесным образом, обретает силу благо-

¹ Здесь и далее перевод автора

даря божествам (Ваджрапани, Махакала, Цзонхава), а также обладает сверхъестественными и магическими способностями, которые подчеркивают его избранность: *Маңна деерэснь / Маха-гала бүрдгсн, / Зула деерэснь / Зуңква бурхн бүрдгсн, / Ора деерэсн / Очир-вани бурхн бүрдгсн, / Хулх нэгмн шандасндни / Хөрн негн ки хэй уга төргсн, / Сэн болдм, / Саг дундан бүрдгсн, / Сээхн болдм, / Маңна дунд бүрдгсн, / Усн нооснас / Олн хувлһн шид бүрдгсн* [2, с. 162] – ‘На лбу / Махакалы сила сосредоточена, / На темени / Цзонхавы сила сосредоточена, / Над ним самим / Ваджрапани сила сосредоточена была, / В восьми мышцах его / Двадцать одно чудесных проявлений, / Прекрасно, / Что сила сосредоточена, / Прекрасно, / Что на лбу сосредоточены, / Из каждого первородного волоса / Множество чудесных перерождений проявляются’.

В синьцзян-ойратской версии героического эпоса «Джангар» встречается аналогичное описание главного героя – хана Джангара, которому также дарована чудесная сила от покровительствующих божеств: *Ора деернь / Очрванин гегэн бүрдгсн гинэ. / Маңна деернь / Махһалын гегэн бүрдгсн гинэ* [19, с. 264] ‘Над головой его / Ваджрапани сила сосредоточена / На лбу его / Махакалы сила собрана’.

Аналогичная поэтическая константа присутствует и в калмыцкой эпической традиции «Джангара»: *Күклэс[нь] күжсин үнр каңкнад, / Күзүн әңгэснь һу, саңгин үнр каңкнад, / Маңнаһас[нь] Мәэдрин гегэн делгрэд, / Зуладнь Зуңқвин гегэн делгрэд, / Ораднь Очрванин гегэн делгрэд...* [21, с. 86–87] ‘Коса его благовония аромат источает, / Шея его дыни и можжевельника аромат источает, / На лбу его Майдари гегена свет сияет, / Над теменем его Цзонхавы гегена свет сияет, / Над головой его Ваджрапани гегена свет сияет...’.

Анализ описания страны героя в эпосе «Егиль-Мерген» показывает, что в мотиве перво-творения ключевыми элементами являются море Бум, гора Сумеру, Замбатив и другие «перво-образы», которые служат основой для формирования эпической картины мира и создают мифологическую основу рождения Егиль-Мергена.

Героическое сватовство богатыря Егиль-Мергена

Ойратские эпосеи повествуют о походе главного героя в дальний путь в поисках своей пред-назначенной невесты. Для того, чтобы ее получить, богатырю необходимо проявить свои героические качества в противостоянии с врагом. В эпосе «Егиль-Мерген» сказитель подробно описы-вает тему подготовки богатыря и его коня в брачную поездку. Типическое место ‘седлание коня’ является одной из излюбленных тем у сказителей эпоса. В идеализированном образе коня воплощены эстетические представления кочевников. В процессе седлания сказитель детально описывает предметы конского снаряжения: *Тер сэн эрин / Халар мөңгн хазариг / Хазарлв гинэ. / Хашиһин нэгмн аранд / Хаиш мөңгн уудинь харһлдулад, / Теклзүгсн санма деегүр / Давхлад, / Тер чикни хулх деер / Тогтаһад гинэ. / Хазарин өргн сээхн / Халха дерн товчлад о[р]кв. / Буһ сээхн цулвраснь бэрэд, / Бумбан амн болсн күзүн деер давулад, / Бурхн сэн жолаһини / Бумбан амн болсн күзүн деегүр алскал, / Түмн хөөнэ ноосар кесн / Тохм гинэ, / Нудтэ сээхн ценмэр / Нурлад кессн гинэ; / Дөчн йсн кер халтр булһн делтр гинэ, / Түниг авад, / Тохм деер тэвэд тохв – ‘Лучшего из мужей / Серебряную с чернью узду / Надел на коня, говорят. / На восемь задних зубов / Бронзово-серебряные удила / Поверх челки / Проведя, / За ушами / Опустил, говорят. / Широкой красивой узды / Подбородный ремень застегнул. / За прекрасные поводья держа, / Через шею, подобную сосуду бумба, проведя, / Божественно прекрасные поводья / Через шею, подобную сосуду бумба, проведя, / Из шерсти десяти тысяч овец сделанный / Потник надел, говорят, / Прекрасным сукном с глазками / Отделан он был, говорят. / Потник из шкур сорока девяти гнедых со звездочкой соболей, / Взяв, / На потник наложил’* [2, с. 164–165].

В эпосе седло со всеми его составляющими представлено с исключительной детализацией, что полностью отражает его специфику для кочевых народов. Седло является олицетворением воинской силы мужчины, его достоинства: *Занын ясар / Заһат кесн эмэл гинэ, / Зандн модн / Малтад кесн эмэл гинэ, / Зетрк уга өдр / Зееглэд кесн эмэл гинэ, / Барчид уга өдр / Бадмлад кесн эмэл гинэ, / Алтар / Арлат кесн эмэл гинэ, / Мөңгэр / Мөрлэд кесн эмэл гинэ; / Терүнд сээхн гөлм*

зүүхэд / Таарулсн, / Шижр алтн ширэд / Ке товру суулхад кесн эмэл гинэ – ‘Из слоновой кости / Смастеренное седло, говорят, / Из сандалового дерева / Вырезанное седло, говорят, / В благополучный день / Орнамент на седле выведен был, говорят, / В спокойный день / Лотоса вид придали седлу, говорят, / Золотом / Обрамленное седло, говорят, / Серебром / Посеребренное седло, говорят, / Красивую сеть на нее накинул, / Приладил, / На золотом престоле [приладив,] / Чеканный узор вывели на седле, говорят’ [2, с. 164–165].

В калмыцкой версии эпоса «Джангар» в цикле песен джангарчи Мукебюна Басангова ‘седлание коня’ также представляет собой устойчивое поэтическое описание и дается в строгой последовательности действий: *Дел мөңгн делтр тальвад оркв – / Дегц йирн йис бульгад зогсв, / Тольр мөңгн тохм тальвад оркв – / Тохмин үзүр чичрүлэд зогсв. / Хольвр мөңгн хавцита, / Бульңһр мөңгн бүүргтэ / Дөш алтн эмалиг / Дөрвн тө дөрү / Өмкдүлж тохв. / Далн тавн хорьк татуринь / Һом цаһан эрвңгинь / Голднь көтрэд татв, / Хэрү дөрвн хавсинь / Хэврһинь таслад татв. / Ке шар цоохр олнцгинь деернь зүүв, / Келкэ найн нээмн яркаһинь / Дөрвн үзгтнь омрувчинь омрувчлв, / Бат мөңгн омрувчинь омрувчлв, / Дүүвр сээхн худрһиг / Ар таша деернь худрһчлв. / Бурхн цаһан хатнаннь / Босн, сун томгсн / Улан торһн эжолահинь / Өмн бүүргтнь өлгв» [20, с. 174] – ‘Сплошь расшитый серебром подпотник [конюший] набросил – / Сразу девяносто девять раз взбрыкнул [скакун], / Сверкающий серебристый потник набросил – / Так задрожал, что края потника затрепетали. / С ленчиком, украшенным смешанным серебром, / С луками, украшенными тусклым серебром, / Как наковальня, широкое позолоченное седло, / На четыре пяди [от гривы] отступив, / Укрепил. / С семьюдесятью пятью застёжками подпругу / Так, что упругий белый жир брюшной / К самому хребту подобрался, затянул, / Изогнутых четыре ребра / Так, что зазоры меж ними исчезли, затянул. / Восемьдесят восемь пряжек / В четырёх сторонах нагрудника застегнув, / Прочный серебряный нагрудник надел. / Красивый подхвостник надел, / На крупе затянул. / Божественно доброй хатун / И стоя, и сидя сплетённый / Красивый шелковистый повод / На переднюю луку седла намотал’².*

В хвалебных магталах ярко описываются лучшие качества скакуна, искусство сказителя проявляется как в ритмичности самого стиха, так и в его лаконичности. Б. Л. Рифтин подчеркивает, что особенностью формы магтала является детальное описание коня, часто с преувеличением его достоинств [22, с. 71]. Тщательная разработка образа коня сказителями подтверждается устойчивостью его основных характеристик в ойратском эпосе «Егиль-Мерген» и в эпической традиции «Джангара».

В архаических повествованиях брачная поездка героя часто сопряжена с преодолением множества трудностей. В ойратском эпосе «Егиль-Мерген» невеста героя находится в отдаленном месте, а путь к ней преграждают непроходимые горы, водные преграды и пустынные гоби. Преодолев все эти препятствия, Егиль-Мерген прибывает в кочевья своей суженой Дуту-Мэндэр и просит ее руки у хана-отца. В отличие от других ойратских эпопей в данном повествовании нет брачных состязаний, трудных заданий будущего тестя или прохождения испытания путем уничтожения врагов-мангусов. Традиционная тема героического сватовства усложняется за счет повторной разработки тематического ядра – богатырь Егиль-Мерген после женитьбы на суженой и возвращения в родные кочевья заново отправляется в поход, в пути встречает равного по силе богатыря Байханхан-Арсалана, вступив с ним в поединок, одерживает победу, однако, проявив благородство к побежденному, братается с ним. Эпопея завершается уничтожением главным героем и его побратимом многочисленных мангасов, рядом боевых походов, победой над всеми врагами и перекочевкой освобожденных подданных в родные кочевья.

Поэтико-стилевые особенности ойратского эпоса

Ойратский эпос, как и многие другие устные традиции монголоязычных народов, характеризуется особой поэтико-стилевой организацией. В системе художественно-изобразительных

² Здесь перевод осуществлен Т. А. Михалевой

средств аллитерация и ассонанс играют важную роль в создании ритмичности текста. Они не только украшают речь, но и помогают выделить ключевые слова, усилить эмоциональное воздействие и создать определенное звучание.

Сказитель использует разные виды аллитерации. Например, сплошную аллитерацию (*арслцг* – *аю*, *аргм* – *алтн*):

*Арслцг көлтэ ширэ залв,
Аю бодисато шүүгэн залв,
Аргм бээдм тэклин талба гинэ,
Алтн мөнгөн балин шалса өргө* [2, с. 162].

Встречается также и парная аллитерация (*эн* – *эн*, *бум* – *буурл*, *марл* – *мана*, *ожмин* – *олн*):

*Эн Дайбн хаани баһ бальчр бээхин цагт,
Эн орчлңгин олн ик алвт үүсч бээхин цагт,
Бум дала чальчаг бээхин цагт,
Буурл хүлз хурһн бээхин цагт,
Марл хүлз хурһн бээхин цагт,
Мана нойн балчр бээхин цагт,
Ожмин шар нарн герл тусч бээхин цагт,
Олн ик алвт үүсч бээхин цагт* [2, с. 159].

Встречается в тексте и перекрестная аллитерация (*арвн* – *темсн*, *арвн* – *тер*):

*Арвн кедү жилин оон болв гинэ,
Темсн малын тооһинь алдад,
Арвн кедү жилин оон болв гинэ,
Тер нартин нээмн тивин сэн эр гинэ* [2, с. 161].

В тексте ойратской эпопеи художественно-определяющие сочетания – эпитеты, гиперболы и сравнения являются важными средствами для раскрытия характеров героя и персонажей. Например, эпитеты, характеризующие главного героя эпоса: *Сэн эр* (Лучший из мужей), *Сээхн* (Прекрасный), *Эрт төргсн* (Преждерожденный), *Далн цаһан заани күчн бүрдгсн* (Силу семидесяти священных слонов вобравший), *Далн көк луһин тенкэн бүрдгсн* (Силу семидесяти синих драконов вобравший), *Хөрн лууһин күчн тенкэн авлцгсн* (Двадцати драконов силу вобравший), *Долан уда ээлдхлтэ* (Семь предназначений имеющий).

В ойратском эпосе употребляются эпитеты, указывающие на материал предмета: *өлг буһ арсар дотрлад* (из шкуры оленя покрывало), *өңгтэ цаһан торһар һадрлад* (цветистым белым шелком обшито), *өргн сэн торһар өркнь кеһэд* (из широкого прекрасного шелка покрывало дымового отверстия), *өнгн улан утцар кегсн ооср* (завязки из цветистых красных нитей), *зани арсн архад* (бурдюк для кумыса из слоновой кожи), *хашигин арсн архад* (бурдюк из шкуры буйвола), *зандн модн булр* (мутовка из сандалового дерева), *хандһ модн булр* (мутовка из дерева тальника), *күрң үкрин арсн архад* (бурдюк из шкуры темно-рыжей коровы), *зандн улан домб* (красный сандаловый кувшин), *зандн завъя цөкц* (сандаловая чаша), *хаиш мөңгн ууд* (бронзово-серебряные удила), *заньин ясар заһат кесн эмэл* (из слоновой кости смастеренное седло), *алтар арлат кесн эмэл* (золотом обрамленное седло), *мөңгэр мөрләд кесн эмэл* (серебром посеребренное седло), *гуниш модн иштэ маля* (рукоятка плети из дерева гунша), *көвң цаһан өөмсн* (белые ватные чулки), *хар болд утх* (черно-булатный нож), *жсиңстэ дундлн улан чиктэ дуң цаһан дуулх* (серебряный с красными ушками раковинно-белый шлем), *хар болд үлд* (черно-стальной меч) и др.

Для возвеличивания богатырей и их подвигов сказитель широко использует гиперболы. В частности, они являются одним из наиболее значимых средств идеализации эпического героя: *Даласн / Далн цаһан заани күчн бүрдгсн көвүн гинэ*, */ Давск экинэс / Далн көк луһин тенкэн бүрдгсн көвүн гинэ*, */ Хо зооһин махнас / Хөрн лууһин күчн тенкэн авлцгсн көвүн гинэ*, */ Тер сэн эр гинэ* [2, с. 160] – ‘На лопатках / Силу семидесяти священных слонов вобравший молодец,

говорят, / Ниже пояса (букв. «основание мочевого пузыря») / Силу семидесяти синих драконов вобравший молодец, говорят, / На спине / Двадцати драконов силу вобравший молодец, говорят, / Лучший из мужей, говорят».

Гиперболично представлено описание схватки Егиль-Мергена с богатырем Байханхан-Арсаланом: «Сталкиваются те витязи и начинают колоть друг друга копьями, но не могут ничего поделывать друг с другом. Выхватывают они тогда свои черно-булатные мечи, рубятся и ничего не могут поделывать друг с другом. Стреляют они друг в друга из крепких желтых луков и совсем ничего не могут поделывать друг с другом. <...> Сбрасывают они тогда свои латы, кольчуги; обнажаются оба и сходятся, выступая шагомпреважным. Сошлись они и схватились бороться, схватились бороться два славных богатыря-витязя. Время-часы проходят, а они все борются; снег падает, сугробы навешаются, а они все борются; борются они и не могут ничего поделывать друг с другом» [1, с. 212].

Гиперболы используются и при описании вещей и предметов:

Хунн үкрин чинэн гилс хар кет [2, с. 166] (Величиной с трехлетнего быка блестящее черное огниво);

Жири алд нэрн цаһан худрһ [2, с. 162] (В шестьдесят саженей белый подхвостник);

Түмн хаңһл бухан маңна шүүгэд кесн түүкэ цаһан шалвр, гинэ [2, с. 165] (Сделанные из лобной шкуры тьмы быков сырые белые шаровары, говорят);

Һучн давхр хар барин арсн улта, һурвлэжн цаһан мөңгн зузата, зун нээмн улта улан һосн [2, с. 165] (В тридцать слоев из шкуры черного барса подошвами, из белого серебра задниками, в сто восемь слоев подошвами красные сапоги).

При описании бега богатырского коня джангарчи также использует гиперболы:

Эгл-Мергнэ мөрнэ көлд / Нартин нээмн тивин / Нег сөнэт, / Бум дала көдлгэд, / Бурхн Алта / Хаңга нутг дөргүлэд [2, с. 168] (Под ногами коня Егиль-Мергена / Потряслись восемь материков, / Взволновалось / Море Бум, / Содрогнулись божественные Алтай и Хангай);

Барин дуур һарад / Замбтивин ор орчкад көдлгэд йовна, / Орчлэжин / Омн шар нар гегэн герл булат йовна, гинэ [2, с. 168] (Барса рев издавая, / Замбутив потрясая, / Вселенной / Желтого солнца свет заслоняя скачет, говорят).

В компоновке традиционных элементов песни сказитель использует такое речевое средство эпической образности, как сравнение:

Дурнав болсн сэн нүдтэ (Подобно подзорной трубе прекрасные глаза у [коня]);

Дужгин сэн шүдтэ (Прекрасные раковинные зубы у него);

Туула һәрдин девһтэ (Птицы орла полету подобный);

Тунжр мөңгн хоңшарта (Словно из серебра морда у него);

Бумбан амн болсн күзүн (Шея, подобную сосуду бумба);

Унгсн сэн ки күлг өмн турунас / Өсргсн шовхн һал төмрин зул авлцад [йовна] [2, с. 174] (Из под копыт прекрасного воздушного скакуна / Искры, словно свет от лампадок, исходят).

Изучение поэтико-стилевых констант ойратской эпопеи «Егиль-Мерген» показало, что сказитель, обладая широким эпическим знанием, творчески использовал устойчивые обороты, гиперболы, эпитеты и сравнения. Ойратский эпос «Егиль-Мерген» сохранился до наших дней благодаря искусству его исполнителей – туульчи. Именно они сумели передать глубину содержания и художественную ценность выдающегося эпического памятника ойратов.

Заключение

Изучение ойратского эпоса «Егиль-Мерген» показало, что сказание имеет двухходовую организацию текста. В отличие от других ойратских эпопей, в данном повествовании нет брачных состязаний, трудных заданий будущего тестя или прохождения испытания путем уничтожения врагов-мангасов. В рассматриваемом сказании традиционная тема героического сватовства усложняется за счет повторной разработки тематического ядра – богатырь Егиль-Мерген после женитьбы на суженой и возвращения в родные кочевья, заново отправляется в поход,

в пути встречает равного по силе богатыря Байханхан-Арсалана, вступив с ним в поединок, одерживает победу, однако, проявив благородство к побежденному, братается с ним и вместе они уничтожают врагов-мангасов.

Результаты сравнительного анализа поэтики ойратского эпоса «Егиль-Мерген» и национальных версий «Джангара» свидетельствуют о том, что героический эпос унаследовал черты архаических сказаний. Это проявляется в наличии древних мотивов (первотворения, чудесного рождения, героического сватовства и др.) и типических мест (описание чудесной силы героя, седлание и восхваление коня, одевание героя и др.). Эпическая традиция ойратов сохранила уникальные образцы этой ранней ступени развития эпоса, в которых можно проследить процесс трансформации архаического сказания в героический эпос. Исследование эпического наследия монгольских народов в данном направлении открывает новые перспективы для углубленного изучения разноаспектных проблем фольклорного текста.

Литература

1. Владимирцов Б.Я. *Монголо-ойратский героический эпос*. Петербург; Москва: Светоч; 1923:253.
2. Владимирцов Б.Я. *Образцы монгольской народной словесности: (С.-З. Монголия)*. Ленинград: Ин-т живых вост. яз. им. А.С. Енукидзе; 1926: 202.
3. Жирмунский В.М. *Сказание об Алтамыше и богатырская сказка*. Москва: Восточная литература; 1960:335.
4. Жирмунский В.М. *Тюркский героический эпос*. Ленинград: Наука; 1974:726.
5. Неклюдов С.Ю. *Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции*. Москва: Наука; 1984:309.
6. Неклюдов С.Ю. *Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный*. Москва: Индрик; 2019:592.
7. Михайлов Г.И. *Проблемы фольклора монгольских народов*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1971:235.
8. Кичиков А.Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара». В кн.: *Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge der 4. Epensymposiums der sonderforschungsbereichs*. Bonn, 1983, Wiesbaden; 1985:301–372.
9. Кичиков А.Ш. *Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника*. Москва: Наука, Восточная литература; 1992:320.
10. Биткеев Н.Ц. *Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1990:155.
11. Борджанова Т.Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса. В кн.: Овалов Э.Б. (ред.) *Типологические и художественные особенности «Джангара»*. Элиста: КНИИЯЛИ; 1978:15–24.
12. Борджанова Т.Г. К вопросу изучения ойратской эпической традиции. В кн.: Биткеев Н.Ц. (ред.) *Эпическая поэзия монгольских народов*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1982:106–115.
13. Хабунова Е.Э. *Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий)*. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ; 2006:256.
14. Жамц Т., Бадм Т. (ред.) *Жангар = «Джангар»*. Т. 1. Дунд улусийн ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгн шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмлгигэс эмкэгдэлвэ. Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора; 1986:860 (на ойрат. письмен.).
15. Жамц Т., Бадм Т. (ред.) *Жангар = «Джангар»*. Т. 2. Дунд улусийн ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгн шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмлгигэс эмкэгдэлвэ. Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора; 1987:865 (на ойрат. письмен.).
16. Жамц Т., Бадм Т. (ред.) *Жангар = «Джангар»*. Т. 3. Дунд улусийн ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгн шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмлгигэс эмкэгдэлвэ. Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора; 2000:460 (на ойрат. письмен.).
17. Тодаева Б.Х. (ред.) *Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 1*. Элиста: АПП «Джангар»; 2005:856 (на калмыцком яз.).
18. Тодаева Б.Х. (ред.) *Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 2*. Элиста: АПП «Джангар»; 2006:831 (на калмыцком яз.).

19. Тодаева Б.Х. (ред.) Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар»; 2008: 460 (на калмыцком яз.).
20. Кичиков А.Ш., Михайлов Г.И. (ред.) *Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен)*. Т. 2. Москва: Наука, ГРВЛ; 1978:417 (на калмыцком яз.).
21. Манджиева Б.Б., Горяева Б.Б., Селеева Ц.Б. (ред.), Михалева Т.А. (пер.). *Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл*. Москва: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор»; 2020:544 (Свод калмыцкого фольклора).
22. Рифтин Б.Л. Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику). В кн.: Гацак В.М. (ред.) *Фольклор. Поэтика и традиция*. Москва: Наука; 1982:70–92.

References

1. Vladimirtsov BYa. *Mongol-Oirat heroic epic*. Petersburg, Moscow: Svetoch Publ.; 1923:253 (in Russian).
2. Vladimirtsov BYa. *Works on the literature of the Mongolian peoples*. Moscow: A.S. Enukidze Institute of Oriental living languages Publ.; 2003:608 (in Russian).
3. Zhirmunsky VM. *The tale of Alpamysh and the heroic tale*. Moscow: Oriental Literature Publ.; 1960:335 (in Russian).
4. Zhirmunsky VM. *The Turkic heroic epic*. Leningrad, Nauka Publ.; 1974:726 (in Russian).
5. Neklyudov SYu. *Heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions*. Moscow: Nauka Publ.; 1984:309 (in Russian).
6. Neklyudov SYu. *Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic*. Moscow: Indrik Publ.; 2019:592 (in Russian).
7. Mikhailov GI. *Problems of folklore of the Mongolian peoples*. Elista: Kalm. Book Publ. House; 1971:235 (in Russian).
8. Kichikov ASH. Archaic motives of the hero's origin and their transformations in the versions of "Dzhangar". In: Questions of Mongolian heroic poetry. Part 3. Lectures of the 4th Epic Symposium of the Collaborative Research Center. Bonn, 1983, Wiesbaden; 1985: 301–372 (in Russian).
9. Kichikov ASH. *The heroic epic "Dzhangar". Comparative-typological study of the monument*. Moscow: Nauka Publ., Oriental Literature Publ.; 1992:320 (in Russian).
10. Bitkeev NTs. *Kalmyk heroic epic "Dzhangar": problems of typology of national versions*. Elista: Kalm. Book Publ. House; 1990:155 (in Russian).
11. Borzhanova TG. On the genre specificity of the Mongol-Oirat heroic epic. In: Ovalov EB. (ed.) *Typological and artistic features of "Dzhangar"*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature, History Publ.; 1978:15–24 (in Russian).
12. Borzhanova TG. On the issue of studying the Oirat epic tradition. Bitkeev NTs. (ed.) *Epic poetry of the Mongolian peoples*. Elista: Kalm. Book Publ. House; 1982:106–115 (in Russian).
13. Khabunova EE. *Heroic epic "Dzhangar": poetic constants of the heroic life cycle (comparative study of national versions)*. Rostov: NCSC HE Publ. House; 2006:256 (in Russian).
14. Zhamts T., Badm T. (eds.) "Dzhangar." V. 1. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House; 1986:860 (in Oirat writing).
15. Zhamts T., Badm T. (eds.) "Dzhangar." V. 2. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House; 1987:865 (in Oirat writing).
16. Zhamts T., Badm T. (eds.) "Dzhangar." V. 3. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House; 2000:460 (in Oirat writing).
17. Tодаева B.Kh. (ed.) *Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols*. Vol. 1. Elista: "Dzhangar" Publ. House; 2005:856 (in Kalmyk).
18. Tодаева B.Kh. (ed.) *Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols*. Vol. 2. Elista: "Dzhangar" Publ. House; 2006:831 (in Kalmyk).
19. Tодаева B.Kh. (ed.) *Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols*. Vol. 3. Elista: "Dzhangar" Publ. House; 2008:460 (in Kalmyk).
20. Kichikov ASH., Mikhailov GI. (eds.) *Dzhangar. Kalmyk heroic epic (texts of 25 songs)*. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 1978:417 (in Kalmyk).

21. Mandzhieva BB.; Goryaeva BB., Seleeva TsB. (eds.). *Kalmyk heroic epic "Dzhangar": Maloderbetovsky cycle*. Moscow: Pervaya Obraztsovaya Typography, Branch of the Chekhov Printing House; 2020:544 (in Russian).

22. Riftin BL. From observations on the skill of Eastern Mongolian storytellers (magtal to the horse and rider). In: Gatsak VM. (ed.) *Folklore. Poetics and tradition*. Moscow: Nauka Publ.; 1982:70–92 (in Russian).

Об авторе

Манджиева Байрта Барбаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН», ORCID: 0000-0002-5644-3340, e-mail: mbbairta@yandex.ru.

About the author

Bayrta B. Mandzhieva, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Department of Folklore and Literature, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia. ORCID: 0000-0002-5644-3340, e-mail: mbbairta@yandex.ru

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 25.08.2025 / Submitted 25.08.2025

Принята к публикации 16.09.2025 / Accepted 16.09.2025